

Игорь Богомолов

*Igor Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

**Рец. на: Bloomsbury handbook of the Russian Revolution / Ed. by G. Swain.
L.: Bloomsbury, 2022. 656 p.***

DOI: 10.31857/S2949124X2306024X, EDN: NPBEKS

Столетие российской революции вызвало всплеск интереса к ней не только в России, но и за рубежом и повлекло за собой выход десятков монографий, сотен статей, проведение множества конференций, круглых столов и коллоквиумов. Заметное место в этом потоке заняли монографии 2017–2018 гг., многие из которых оказались скорее «юбилейными» изданиями, чем действительно новыми исследованиями. Впрочем, авторы таких работ и не отрицали, что повторяются, добавляя к «старым» выводам что-то новое, переосмысливая написанное ранее.

В этом смысле большие коллективные труды имеют свои преимущества. Главы в них пишут как признанные специалисты, так и начинающие исследователи. Кроме того, общая идея таких изданий не всегда означает единую позицию: под одной «крышей» часто собираются представители разных школ и даже давние оппоненты. «Коллективность» подобных монографий справедливо ставилась бы под сомнение, если бы не умение редакторов создавать стройную концепцию. В одних случаях (как с мно-

готомным изданием «Russia's Great War & Revolution») концептуальные основы заложены уже в названии, что позволяет составителям делать общие выводы и намечать пути развития историографии. В других случаях концептуальные рамки не ставятся, авторы получают возможность рассказать о том или ином историческом сюжете более сжато, чем в монографии, но не ограничиваясь узкими рамками журнальной статьи.

Рецензируемая коллективная монография относится скорее ко второму варианту, который в англоязычной историографии, как ни странно, встречается весьма редко. Другим подобным примером можно назвать лишь «Companion to the Russian Revolution», выпущенный «Wiley-Blackwell» в 2020 г. Издательства «Wiley» и «Bloomsbury» давно специализируются на издании фундаментальных научных справочников, позволяющих получить детальное представление о тех или иных областях знаний, в данном случае — крупных исторических событиях. Знаменательно, что российская революция «заслужила» отдельный и весьма объемный (более 600 страниц) справочник

---

* Справочник Блумсбери по российской революции / Ред. Дж. Суэйн. Лондон: Блумсбери, 2022. 656 с.

от одного из ведущих академических издательств.

Интересно, что книга вышла уже после всех «юбилейных» мероприятий. Связано это с пандемией COVID-19, когда «университетам пришлось в одночасье адаптироваться к онлайн-обучению, а исследовательские библиотеки были закрыты» (р. 6). Лишь спустя три года удалось завершить её подготовку.

Цель монографии – «собрать эссе, которые дают исчерпывающую картину российской революции в свете современной науки». Эти тексты, по замыслу составителей, могут послужить «ориентиром для любого студента, желающего узнать больше о событиях и значении революции в России в 1917 г., одном из ключевых поворотных моментов мировой истории» (р. 3). При этом очевидно, что по своему содержанию эссе выходят за рамки обучающего материала, отражая взгляды авторов и современные тенденции в историографии. Как следствие, перед редакторами стояла непростая задача соединить разнородные мнения и создать стройную концепцию. Во многом поэтому содержание строится по тематическому, а не хронологическому принципу, тексты группируются по политической, социальной, этнополитической, региональной, гендерной сферам исследования.

Раздел «Политические кризисы» охватывает период с начала Первой мировой войны до 1918 г. Составители включили в этот раздел эссе крупного специалиста по истории железных дорог Российской империи Э. Хейвуда, который, как и в других своих работах¹, показал, что плохо управляемая железнодорожная сеть предопределила военный и экономический кризис, а за ним – падение монархии. С точки зрения Хейвуда, железная дорога оказалась важнейшим внутриполитическим фактором в предреволюцион-

ной России, и Временное правительство не смогло переломить ситуацию. Из собственно «политических» работ стоит отметить попытку П. Уолдрона сместить фокус внимания при описании кризиса власти 1915–1916 гг. с Государственной думы на Земский и Городской союзы. Представляется, однако, что автор излишне категоричен, принижая роль Думы и забывая при этом, что Земгор также оказался на обочине политического процесса в 1917 г.

Ц. Хасэгава подробно проанализировал события Февральской революции. Он считает, что исследователи уделяют этому событию мало внимания: «Девять дней с 23 февраля по 3 марта 1917 г. потрясли мир больше, чем десять дней Октября. Это была подлинная революция, которая положила конец монархии и привела Россию к либеральной демократии» (р. 25). Можно согласиться с автором, что Февральская революция незаслуженно «забыта», однако характеристика нового режима как «либеральной демократии» выглядит не вполне обоснованной. Более развёрнутую картину политики Временного правительства дал Я. Тэтчер, также последовательно отстаивающий мнение о важности и одновременно недооценке Февраля в российской и мировой истории². В своём эссе он показал, что Временное правительство почти одновременно даровало слишком много прав и свобод, но, не имея достаточной полноты власти для реализации принципа «верховенства права», не смогло гарантировать исполнение своих же собственных законов.

Заключительные эссе раздела посвящены Октябрьскому перевороту и политической борьбе большевиков в первые годы советской власти. С. Бонис рассматривает судьбоносные дни Октября как пример взаимного недоверия и непримиримых противо-

речий между социалистическими партиями того времени. По её мнению, меньшевики и бóльшая часть эсеров не желали коалиции, и накануне переворота их стремление отделиться от оппонентов «слева» оказалось не меньшим, чем у большевиков. Л. Додс кратко описала результаты своих многолетних исследований³ истории становления и укрепления власти большевиков после их прихода к власти, полагая, что этот процесс шёл постепенно, с рядом отступлений и тактических союзов (как в случае с левыми эсерами).

Раздел «Политики и партии» посвящён трём ключевым политическим игрокам, а также некоторым малоизученным партиям. Б.И. Колоницкий, повествуя об А.Ф. Керенском и феномене «керенщины», показал, как «на смену культу императора пришёл культ уникального вождя-спасителя, для создания которого были использованы элементы революционной и социалистической традиции». Обобщая результаты своих исследований⁴, автор отметил, что «некоторые важные формы и методы прославления революционного вождя, сложившиеся в 1917 г. в ходе ожесточённой борьбы за власть, впоследствии были использованы и распространены большевиками. И в прославлении Керенского, и в отрицании его можно увидеть традиционную авторитарную политическую культуру, на которую могли накладываться различные идеологии — социалистическая, демократическая, либеральная» (р. 123).

Х. Иммонен представил краткую биографию В.М. Чернова, подробно остановившись на его деятельности в 1917 г. Кризисы и расколы внутри партии эсеров помешали Чернову осуществить политическую программу создания широкой социалистической коалиции и формирования после выборов в Учредительное собрание

нового правительства. Тем не менее даже после Октябрьского переворота он оставался на первых ролях в российской политике, и «только прибегнув к силе, Ленин смог подавить демократическую альтернативу Чернова и установить диктатуру пролетариата в России» (р. 138). Самого В.И. Ленина в центр своего повествования поставила Б. Аллен. На деле же эссе, названное «Ленин и большевики в 1917 г.», в основном затрагивает развитие политической тактики большевиков на протяжении февраля—октября 1917 г. Отражены споры по этой проблеме в историографии, в том числе современной, большое внимание уделено отношению большевиков к «женскому» и «рабочему» вопросам.

Л. Хёфнер сделал общий обзор небольшевистских интернационалистских фракций, существовавших во время Первой мировой войны и революции: «Две неопопулистские группы и три с чисто марксистским прошлым». Большое внимание уделено эсерам-максималистам и левым эсерам — «единственной партии в России, которая могла претендовать на рост популярности... между октябрём 1917 г. и июлем 1918 г.» (р. 156). К последним трём Хёфнер отнёс меньшевиков-интернационалистов, «межрайонцев» и социал-демократов-интернационалистов. В 1917—1918 гг. у этих групп было мало пространства для манёвра, не сбылась и надежда интернационалистов на то, что «революционная демократия» сможет играть роль «третьей силы» (р. 168). Д. Иванов охарактеризовал место и роль анархистов в 1917 г. Эти и родственные им крайне левые движения (в первую очередь максималисты) не относились к числу самых крупных сил российской революции, но часто служили «катализатором и центральным элементом в важных событиях». Так, они сыграли важную роль в мо-

билизации на первом этапе Гражданской войны, до создания Красной армии. Однако отношения большевистского руководства и анархистов постоянно ухудшались, что, впрочем, в сложившихся после Октября условиях оказалось неизбежно (р. 183).

В разделе «Социальные группы» рассматривается влияние событий 1917 г. на рабочих, крестьян, солдат, низшие слои среднего класса и «старую элиту» — сторонников и противников революции. Повествуя о рабочем классе в революционные годы, Н.В. Михайлов подробно остановился на проблеме «рабочего контроля» на промышленных предприятиях. Искренняя заинтересованность рабочих в управлении предприятиями, их готовность взять на себя ответственность за результаты «породили надежду на возможность организации на новых, коммунистических принципах» (р. 206). Однако неспособность рабочих поддерживать приемлемый уровень трудовой дисциплины привела к падению объёма производства, и ответом новой власти стали централизация и милитаризация работы предприятий. Большевики «постепенно отстранили рабочих и профсоюзы от любого реального участия в управлении заводами» (р. 207).

Отношения крестьянства с революционными властями рассмотрел П. Фраунгольц. По его мнению, мечта крестьян о земле и свободе не реализовалась из-за «неудачных попыток» Временного правительства разрешить основные, наболевшие вопросы. Крестьянство начало испытывать недоверие к новой власти и, как следствие, саботировать планы Петрограда по решению «земельного вопроса», преодолению товарного дефицита и роста цен на продовольствие. После Октябрьского переворота крестьяне также были «полны решимости аналогичным образом справиться с бреме-

нем большевиков», однако эта власть действовала не в пример решительнее и жёстче (р. 221).

Политические процессы в армии рассмотрел К.А. Тарасов. Первая мировая война вынудила царские власти поставить под ружьё около 16 млн человек. К моменту Февральской революции армия представляла собой огромную и всё хуже управляемую силу, политическая роль которой оказалась решающей в 1917 г. В то же время создание солдатских комитетов оказало на неё разрушительное воздействие, резко понизив боеспособность войск. Впрочем, как показывает автор, не следует недооценивать и фактор политической борьбы в Петрограде — июльский кризис, подавление Корниловского мятежа и свержение Временного правительства. Её исход повлиял на судьбу армии в мировой войне и во многом предопределил формат организации Красной армии — «без выборного командования и без комитетов» (р. 237).

Д. Орловски и М. Рэндл обратились к редко упоминаемым, но не менее важным социальным группам — городской буржуазии и интеллигенции, а также бывшей царской элите. Как Временному, так и советскому правительству для нормализации государственной жизни пришлось продолжать взаимодействие с населением, профессиональными и общественными организациями, органами самоуправления, земельными комитетами. Революционному государству требовались знания и административный опыт людей на местах, прежде всего, по определению Орловски, «нижнего слоя среднего класса». История Гражданской войны показала, что эта часть общества смогла «оказывать влияние и прививать свои ценности быстро растущему большевистскому государству» (р. 255). Часть «старых» элит пыталась адаптироваться к из-

менившимся условиям. Определение «элит» у автора достаточно условное, в них включены дворяне, офицеры, помещики, промышленники и «православное духовенство», составлявшие к 1917 г. около 2,5% населения. Растущее стремление к той или иной форме политических перемен «оттолкнуло элиты от царизма», хотя общее недовольство монархией так и не стало основой для объединения «контрреволюционных» сил. Рэндл считает основной причиной этого социальное разнообразие «элит», разные интересы и чаяния, сформировавшиеся ещё в дореволюционные десятилетия. Раскол продолжился и после Октябрьской революции, что видно по противоречиям внутри Белого движения. Кроме того, значительная часть «старой» элиты эмигрировала либо осталась в надежде «переждать бурю» и встроиться в новый социальный порядок. Многие из «бывших» служили большевистскому государству (разными способами и по разным причинам), благодаря чему их влияние на советское общество сохранялось в 1920–1930-х гг., несмотря на репрессии и гонения.

Гендер — первый вопрос, рассматриваемый в разделе «Идентичность». Р. Рутшильд напомнила о предоставлении женщинам избирательных прав — событии, ставшем «одним из немногих прочных достижений Временного правительства» (р. 281). И хотя «избирательное право как для женщин, так и для мужчин мало что значило в советскую эпоху, когда на большинстве выборов на каждую должность выдвигался один кандидат, правительство приложило все усилия, чтобы сохранить демократические атрибуты» (р. 282). Ш. Хирн проанализировала развитие образа мужчины в России начала XX в. 1917 г. стал частью «длительной гендерной революции... в ходе которой мужские идентичности создавались и переде-

лывались в условиях бурных политических, социальных и культурных перемен». Индустриализация и урбанизация начали разрушать «традиционные патриархальные структуры деревенской жизни». Признаки мужественности варьировались, но включали такие качества, как самодисциплина, сдержанность, предприимчивость, потребительский вкус, а также одежда, позы и выражения лица. С началом Первой мировой войны армия стала играть более заметную роль в «культивировании мужских идеалов». Мужественность теперь представлялась как «нечто, достигаемое только посредством участия в военной службе». После Февраля статус солдат изменился: они «превратились из блюстителей самодержавного порядка в любимых защитников революции». Это ещё больше укрепило связь между военной службой и мужской идентичностью, которая сохранилась и в советский период (р. 96).

Э. Уайт сфокусировала внимание на влиянии революции 1917 г. на молодёжь. На протяжении всего существования Советского Союза государство относилось к «привилегированному классу» и стремилось заручиться поддержкой этой социальной группы для укрепления своей легитимности. Уайт разделяет мнение, что в раннесоветский период происходило «формирование поколения детей и молодёжи, осознающих свою роль в историческом процессе и с энтузиазмом стремящихся к переходу к большевистской модели современности, будь то через комсомол или советскую школу» (р. 309). В условиях стремительно менявшейся структуры общества значение молодёжи в различных социальных, экономических, политических процессах оказывалось особенно велико. Неслучайно, пишет Уайт, в борьбе за лидерство в 1920-х гг. большевистские ли-

деры часто обращались за поддержкой именно к молодёжи.

Ф. Фишер фон Вайкерсталь рассмотрел роль художника в развитии новой революционной культуры. Отмечено, что в раннесоветском культурном дискурсе существовало «разнообразие, выходящее за рамки дихотомий авангарда и пролеткульта, высокой и низкой, “буржуазной” и рабочей культуры». В первое десятилетие после 1917 г. можно обнаружить слияние старого и нового в «русско-советскую культуру» (р. 319). Потребление не только художественной или культурной, но и научной продукции больше не являлось прерогативой привилегированной группы населения. Вторая культурная революция в сталинскую эпоху привела к разрушению старой и формированию новой советской культуры.

При планировании раздела «Регионы и народы» исследователи и составители старались учесть особенности развития окраин бывшей Российской империи в революционную эпоху. Ф. Шедеви и Д. Диркс провели качественный анализ российской периодической печати 1910-х гг. и показали, насколько яркой стала региональная пресса в 1917 г. Авторы верно указали на перспективность этого направления исследований, так как история развития прессы в провинции до сих пор полна «белых пятен». М. Хикки исследовал повседневность Смоленска накануне революции и в 1917 г., а также в первые месяцы после Октябрьского переворота. Подробно описаны политические процессы, экономическое положение, настроения населения. Большое внимание уделено другим городам Смоленской губ. Исследования Хикки, как и других историков, показывают возрастающую популярность изучения истории российской провинции в 1917 г., особенно — в период «от Февраля

к Октябрю». Это видно и по эссе С. Бэдкок, проанализировавшей революционную ситуацию в поволжских губерниях, её влияние на развитие экономики, в частности сельского хозяйства. Не умаляя значимости освещения истории революции в крупных городах, Бэдкок предложила сосредоточиться на «использовании земли и продуктов питания» как одном из ключевых факторов революционного процесса и развития политических кризисов в 1917 г.

Два эссе посвящены национальным окраинам бывшей Российской империи. Н. Кибита исследовала революцию на Украине, то, как национальная и социальная революции переплелись и привели к противоречивым результатам. Автор полагает, что украинская революция потерпела неудачу, однако в долгосрочной перспективе заложила основы современной государственности. Г. Федтке рассмотрел причины и ход Туркестанского восстания 1916 г. и в целом «революции в Туркестане» в 1916–1920 гг. Основное внимание уделено событиям в Ташкенте и Ферганской долине. После четырёх революционных лет положение республик региона в новой, советской России формально не отличалось от положения других союзных республик, что не отменяло «особых договорных отношений» местных элит с центром. Надежды на автономию, питаемые как революционерами-поселенцами, так и коренными жителями, оказались далеки от реальности. В центре интересов Москвы в Туркестане оставался хлопок, и в обмен на него «коммунисты Центральной Азии получили поддержку центра в осуществлении культурной и технической модернизации» (р. 406).

Хотя Гражданская война, по мнению редакторов, является самостоятельной темой, она «вытекает не-

посредственно из революции», и не включать её «означало бы прекратить повествование в декабре 1917 г. или даже, возможно, в апреле» (р. 5–6). Посвящённый Гражданской войне шестой раздел начинается с общего обзора Э. Модсли, разделившего конфликт на три периода. Первый начинается с Октябрьского переворота и завершается 18 ноября 1918 г. провозглашением А.В. Колчака Верховным правителем России. До марта 1920 г. продолжался второй период, когда прошли важнейшие битвы на фронтах, Красной армии удалось перехватить инициативу и нанести белым решительное поражение. Наконец, третий период (до ноября 1922 г.) Модсли завершил окончательным поражением белых в Крыму и Сибири, а также прекращением существования Дальневосточной республики. В целом и автор, и редакторы выбрали традиционную периодизацию Гражданской войны, сознательно отделив её от остального повествования. Соответствующим образом повествование выстроили и другие авторы шестого раздела. М. Фрейм в эссе о «красном» тыле отметил: то, что большевикам «удалось преодолеть свою хрупкую политическую легитимность, консолидировать власть и со временем построить систему, просуществовавшую до 1991 г.» (р. 441), явилось результатом не только военной победы, но и пропагандистского успеха. Большевики для значительной части населения представлялись «меньшим злом», имевшим более или менее определённую программу по восстановлению страны после восьми лет войн и революций.

Состояние белого тыла рассмотрел Н. Катцер. Он отметил, что как красные, так и белые столкнулись с примерно одинаковыми внутренними проблемами – спекуляцией, мошенничеством, дезертирством и др.

Однако решающим фактором оказалось то, что «крыша, которую идеология и политическая практика белых возвели над тылом, была недостаточно широкой, чтобы собрать всех, кто выступал против красных» (р. 456). Д. Суэйн рассмотрел влияние большевистской революции на европейские послевоенные государства. Месяцы, последовавшие за падением Германской империи, привели к «триумфу немецких меньшевиков над немецкими большевиками в начале 1919 г.», после подавления Спартаковского восстания. Победа в Гражданской войне открыла большевикам возможности для «экспорта» революции, однако поражение в советско-польской войне разрушило эти планы. В последней главе Ш. Олстон провёл подробный анализ историографии, отметив, что 1921 г. стал поворотным в развитии революционного процесса. Объявление нэпа, подавление Кронштадтского и Тамбовского восстаний во многом определили дальнейшую историю СССР и не менее важны, чем события 1917 г.

Таким образом, рецензируемая коллективная монография охватывает основные события и процессы, развернувшиеся в революционной России. Придерживаясь в целом консервативной трактовки хронологических рамок революции (1917–1922), авторы подчеркнули важность обращения к 1917 г. как центральной, узловой точке, определившей все последующие процессы на пространстве бывшей Российской империи. В значительной степени это отражает наметившуюся ещё до столетнего «юбилея» тенденцию «возвратить» повествование о российской революции к 1917 г. Вероятно (и рецензируемое издание это подтверждает), что с этими особенностями и взглядами историография встретит уже 110-летие революции.

Примечания

¹ См.: *Heywood A.* Spark of revolution? Railway disorganisation, freight traffic and Tsarist Russia's War effort, July 1914 – March 1917 // *Europe–Asia Studies*. 2013. № 4. P. 753–772.

² *Thatcher I.D.* The «Russian» civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world, by Jonathan D. Smele // *Canadian–American Slavic Studies*. Vol. 52. 2018. № 4. P. 402–406.

³ См., например: *Douds L.* «The dictatorship of the democracy»? The Council of peoples' Commissars as Bolshevik – Left Socialist revolutionary coalition government, December 1917 – March 1918 // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 247. P. 32–56.

⁴ См.: *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март–июнь 1917 года. М., 2017.